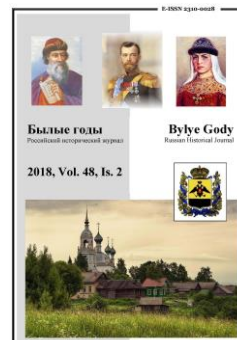

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 817-827. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.817
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Settlers from Belarus early in the Yenisei Province: the Imperial Strategy and the Siberian Reality of the twentieth century

Anna P. Dvoretzkaya ^{a,*}, Mikhail D. Severyanov ^a, Lyudmila N. Slavina ^b, Svetlana V. Kukhta ^c

^a Siberian federal university, Institute for the Humanities, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Russian Federation

^c State archives of the Krasnoyarsk territory, Russian Federation

Abstract

The article is based on archival and published sources on a specific example of settlers of the early twentieth century. People from Belorussia are considering the mechanisms of formation of the permanent population of Siberia in the late imperial period. Migration was the basis of its voluntary, mainly peasant population, organized and encouraged by the state. It acquired a particularly mass character during the period of the Stolypin agrarian reform.

The forms inherent in migration, their characteristics, dynamics and geography of migrations are studied. The emphasis is on the social practices of settlers, their adaptation to new historical conditions. Models of relationships with old-timers are explored. Elements of adaptation to the landscape environment of the region. The structure of the economy of the settlers, its changes in comparison with Belarus is analyzed. These markers mark the preservation of ethnic identity as a language, elements of material culture.

The authors come to the following conclusions. The Russian empire was interested in moving significant Slavic contingents to the east of the country, since in that case it was possible not only to expand the internal borders of the empire, but also to maintain the stability of the state against the background of the unfolding social catastrophe. The "imperial situation" in Siberia was characterized by the inclusion of an ethnic component on the rights of self-government. At the same time, the empire did not aspire to universality at this stage of its existence: the Belarusians in the Yenisei province were included in the hierarchy of local ethnic groups with their own values and culture. It is also noted that in compact settlements of immigrants from Belarus consolidation and establishment of strong ties at the organizational level takes place, that is, an expat community is being formed.

Keywords: Siberia, Yenisei province, migrations of the beginning of the 20th century, immigrants from Belarus, adaptation.

1. Введение

Освоение восточных окраин России за счет переселения туда значительных групп населения, наделения их землей и помощи в адаптации на новом месте является одним из приоритетных направлений государственной политики России в настоящее время. Для успеха современных переселений необходим учет опыта реализации государственной стратегии формирования постоянного населения на востоке страны в конце XIX – начале XX вв.

Массовое переселение крестьян в Сибирь в тот период, по мнению большинства ученых, стало самым успешным мероприятием в многосложном процессе модернизации аграрной сферы страны, средством решения проблемы перенаселенности и крестьянского малоземелья в европейской части России. Если же переселенческое движение рассматривается в общеимперском контексте, оно оценивается и как альтернативный революции путь выхода страны из кризиса, инструмент борьбы с

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

социальной напряженностью и аграрными беспорядками в центре России, а также как единственная возможность практической реализации стремления государства к увеличению численности славянского населения на восточных окраинах.

2. Материалы и методы

Основным историческим материалом для исследования поставленных в данной работе проблем стали хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края делопроизводственные документы, итоги Всеобщей переписи населения 1897 г. и материалы дореволюционной статистики по переселению, описания переселенческих участков и населенных пунктов, периодика, воспоминания, опубликованные в краеведческой литературе.

В статье рассматривается имперская стратегия переселения в Сибирь выходцев из западных областей Российской империи, в частности из Белоруссии, а также процесс их приспособления к новым условиям жизни. Акцент делается на изучении практик, свойственных неевропейским регионам. Вслед за А. Рибером и А. Станциани прослеживаются такие особенности миграций в России, как активное участие государства в управлении ими; преимущественно крестьянский состав переселенцев при всем их многообразии; отсутствие границ между «собственно Россией» и ее имперскими окраинами, что затушевывало колониальную суть процесса переселения (Rieber, 2007: 265, 269, 272; Станциани, 2011: 35, 36).

В данной работе тезисы о «внутренней колонизации» и имперской парадигме развиваются на основе конкретно-исторического подхода, позволяющего рассмотреть принимающую модель местного сообщества в контексте социальной истории XX в. Теория и практика идеально-типологического моделирования в рамках историко-антропологического подхода дает возможность преодолеть традиционное фокусирование внимания на переселенческой политике правительства и перейти к изучению антропологических проблем переселения в регион, т. е. способов коллективных действий новоселов в ходе хозяйственного обустройства, форм их социокультурной адаптации, особенностей демографического состава и специфики хозяйствования, экономических показателей развития домохозяйств. Во главу угла ставится матрица установок в поведении людей, формирующаяся в контексте исторического опыта поколений и разных социальных слоев (Могильницкий, 2009: 18, 19, 21).

3. Обсуждение

Уже в начале XX в. обозначились две точки зрения на причины массового крестьянского переселения на Восток. Одни рассматривали его как часть колониационной политики империи, другие – как стремление уйти от малоземелья. Эти ученые (В. Розенберг, Н.Г. Простнев, А.А. Кауфман), относившиеся к либеральному направлению, были критично настроены к переселениям и видели их причины не в тяжелом экономическом положении крестьянства, а в архаичных способах ведения хозяйства и в естественном приросте населения (Крючек, 2016: 10).

Советская историография темы тоже давала переселениям чаще всего негативные оценки. В ряду этих работ нужно выделить те, в которых в рамках теории колонизации достаточно объективно оценивалось значение добровольных переселений для формирования постоянного населения Сибири (Покшишевский, 1951; Степнин, 1962).

Проблемы переселения широко представлены в современной историографии. Так, вопросы интеграции Сибири в Российскую империю и инкорпорации живших там и пришлых народов в единую систему рассматривают И.Л. и Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова. Они подчеркивают, что для достижения своей устойчивости империя стремилась изжить национальный сепаратизм и проводила «русификацию» окраинных территорий (Ремнев, Суворова, 2013; Дамешек, 2014).

Исследователи под руководством В.И. Дятлова проследили влияние этномиграционных процессов на формирование локальных сообществ в Сибири и на Дальнем Востоке, оценили воздействие миграций на эти сообщества, прежде всего на городские. Ими проанализированы процессы трансформации локального социального пространства за счет переселения и адаптации различных этносов, сделаны попытки сравнить ситуации на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков (Переселенческое общество, 2013).

Рассмотрены особенности демографического развития Западной Сибири, показано влияние на ее население социально-политических и экономических катаклизмов XX столетия (Демографическая история, 2017).

Особый вектор в исследованиях составляет анализ последствий столыпинских реформ для Сибири в части аграрного переселения. П.Ф. Никулин обратил внимание на учет реформаторами крестьянских интересов и ускорение экономического и социального развития российской деревни в предвоенный период (Никулин, 2012: 9). С.А. Сафронов (Сафронов, 2006) изучил различные аспекты столыпинской аграрной реформы в Восточной Сибири: переселение, землеустройство, развитие кооперативного движения, кредитно-финансовую систему, агрономическую помощь, влияние реформы на сельскохозяйственное производство.

Продолжают вызывать исследовательский интерес процессы адаптации переселенцев в Сибири, влияние природно-климатического фактора на их обустройство, отношения новоселов со

старожилами (Массовые переселения, 2010; Разгон и др., 2013; Фурсова, 2015). При этом остается актуальным изучение вклада в развитие восточных районов страны разных народов. Так, роль выходцев из Белоруссии в освоении Сибири, в основном Западной, становление специфических черт их культуры на новом месте отражены в трудах новосибирских и омских авторов (Очерки истории, 2001; Бережнова, 2009; Белорусы в Сибири, 2011). В Минске издана работа «Традиционная культура белорусов в Сибири» (Минск, 2013), где освещены исторические аспекты белорусско-сибирского взаимодействия. Но в ней тоже рассматривается Западная Сибирь, и почти нет данных о выходцах из Белоруссии в Енисейской губернии. Их жизнь на этой территории в XIX–XX вв. освещена в самом общем виде лишь в «Этноатласе Красноярского края» (Красноярск, 2008).

В целом, ученые признают переселенческое направление реформы верным, подтверждают его геополитическое и экономическое значение. Но считают большой ошибкой формирование аграрных поселений в северных районах Восточной Сибири, мало пригодных для сельскохозяйственной колонизации; как и использование части земель сибирских старожилов для образования столыпинского переселенческого фонда, что привело к ухудшению их жизни. Подчеркивается также, что механическая перекачка населения в Сибирь не смогла полностью разрешить аграрного кризиса в Европейской России.

Многие вопросы переселений в Сибирь до сих пор остаются нерешенными или дискуссионными. Среди них – включение иноэтнического фактора в общеимперское пространство в начале XX в. Признано, что государство стимулировало переселение с запада на восток для инкорпорирования Сибири в «имперское ядро» и стремилось сформировать здесь новый славянский суперэтнос из представителей русской, белорусской и украинской наций. Но многие стороны этого процесса, в том числе его механизм, еще не изучены.

4. Результаты

Население Приенисейской Сибири формировалось в ходе непрекращавшихся разновременных и разнонаправленных миграций. Крестьянская колонизация (освоение) Сибири выходцами из европейской России в последней трети XIX в. приняла массовый характер. Она определялась двумя категориями переселенцев: 1) земледельческим населением, переселяемым в Сибирь при помощи государственной власти (плановое переселение); 2) земледельческим населением, двигавшимся за Урал самостоятельно, без содействия государства (самовольное переселение). До начала XX в. «самовольцев» всегда было больше, чем плановых переселенцев, а переселенческие мероприятия государства никогда не успевали за движением масс. Картина изменилась в рассматриваемый период: доля «самовольцев» в 1896–1909 гг. снизилась до 47,5 %, а в 1910–1914 гг. – до 39,6 %. Значительным событием для новоселов стали ассигнования государства на переселение и направление его в нужное имперское русло (Северьянов, 2010: 121, 123).

В начале XX в. в результате строительства Транссиба и столыпинской аграрной реформы усилился миграционный поток из европейской части страны в Азиатскую Россию и в Енисейскую губернию в том числе. Ее доля в приеме новоселов поднялась с 1,4 % в 1891 г. до 16,3 % в 1903 г. В годы столыпинской реформы в Енисейскую губернию переселились еще 268 884 чел. По числу прибывших из Европейской России она вышла на второе место (после Томской губ.) среди районов приема переселенцев за Уралом и на первое – в Восточной Сибири. В основном благодаря мигрантам население губернии выросло с 570,2 тыс. чел. в 1897 г. до 1119,2 тыс. в 1914 г.

Если в пореформенное время немногочисленные переселенцы ассимилировались с местным населением, усваивали хозяйственно-бытовую уклад и культуру старожилов, то в период столыпинских реформ колонисты, во многом благодаря резко возросшей их численности, стали менее зависимыми от местного населения, дольше сохраняли привезенные с родины традиции и обычаи. Усилилось влияние новоселов и старожилов друг на друга (Шнейдер, 1928: 10; Сафронов, 2006: 189). К 1917 г. объем миграций еще вырос. Переселенцами были уже 64,8 % жителей Енисейской губ., притом, что в соседних регионах их было намного меньше. Общая же численность населения губернии достигла 1146 тыс. чел. (Красноярск, 1996: 181).

Кардинально изменились места выхода переселенцев. Согласно подсчетам В.В. Покшишевского, сделанным по итогам Всеобщей переписи населения 1897 г., 4/5 всех переселенцев в Сибирь дали четыре группы губерний. Из центрально-черноземной группы (Воронежской, Орловской, Тамбовской, Курской, Пензенской, Тульской, Рязанской губ.) прибыли 24 % переселенцев, из малороссийских губерний (Черниговской, Полтавской, Подольской, Волынской, Киевской) – столько же. 16 % являлись выходцами из западных, белорусских губерний (Могилевской, Минской, Витебской, Гродненской, Смоленской, Псковской), 14 % – из Новороссии. География переселений в Енисейскую губернию была несколько иной: из центрально-черноземных губерний прибыли 32,2 %, из малороссийских – 19,3 %, из новороссийских – 7,3 %, из западных – лишь 4,3 % (Покшишевский, 1951: 173, 174, 176).

В начале XX в. состав населения Енисейской губернии отличался широким национальным представительством (свыше 20 этносов) при преобладании русских. Количество выходцев из западных белорусских губерний составляло, по переписи 1897 г., 4479 чел. Их этнический состав был

тоже пестрым, лишь 10,2 % назвали родным белорусский язык. Наибольшее число переселенцев, как свидетельствует [таблица 1](#), прибыли из Витебской и Виленской губерний.

Таблица 1. Распределение переселенцев из Белоруссии в Енисейской губернии по полу и местам выхода, по переписи 1897 г. ([Первая всеобщая, 1904: 24, 25, 52](#)).

Число прибывших, чел.	Губернии выхода					
	Могилевская	Минская	Витебская	Виленская	Гродненская	Итого
Мужчины	531	536	919	746	479	3211
Женщины	238	208	446	249	127	1268
Оба пола	769	744	1365	995	606	4479

В начале XX в. число выходцев из западных губерний в составе населения Енисейской губернии резко возросло, что подтверждается данными [таблицы 2](#). При этом почти не изменилась география их выхода. Лишь Гродненская губерния практически перестала поставлять переселенцев.

Таблица 2. Распределение переселенческих хозяйств, прибывших из Белоруссии в Енисейскую губернию, по месту и времени выхода ([Памятная книжка, 1901: 138-145. Памятная книжка, 1905: 200-207; Памятная книжка, 1909: табл. 1-4](#))

Число хозяйств, прибывших	Губернии выхода					
	Могилевская	Минская	Витебская	Виленская	Гродненская	Итого
до 1901	439	271	323	91	203	1237
до 1903	468	223	359	84	65	1199
до 1907	1944	393	660	238	29	3264

В годы столыпинской реформы число мигрантов из западных губерний еще увеличилось. По итогам выборочного обследования ряда волостей Канского, Ачинского и Красноярского уездов в 1912 г. пять западных губерний в 1903 г. дали 37,2 % хозяйств переселенцев, а в 1906–1911 гг. – уже 48,7 %. Основная часть прибыла из трех губерний: Могилевской, Минской, Витебской ([Воробьев, 1975: 212; Степынин, 1962: 310](#)).

В предвоенный период преимущественными районами водворения новоселов были таежные Устьянская, Тинская, Агинская волости Канского уезда; Больше-Улуйская, Покровская волости Ачинского уезда; Вознесенская и Шалинская – Красноярского. Переселенцы приписывались к старожильческим селениям, к уже заселенным белорусами участкам или к вновь созданным ([Переселенческое движение, 1908: 30-33](#)). Прежде чем устроить свои хозяйства на таких таежных участках, они должны были уничтожить лесные заросли, осушать почву, на что отводились значительные денежные средства в виде правительственных ссуд. Так, в 1907 г. прибывшим в Енисейскую губернию переселенцам было выделено 16873 руб. путевых, 337734 руб. на домоустройство, 2123 руб. на общепольные надобности. Переселенцы, пробывшие в регионе более 3 лет, в 1907 г. получили денежную ссуду в размере 16612 руб. 30 коп. на продовольствие и посевы. В 1909 г. той же категории переселенцев было выдано в ссуду на подобные нужды 5350 четвертей хлеба ([Памятная книжка, 1909: 13, 97, 98](#)).

Результативность хозяйствования новоселов, их благосостояние, здоровье и в целом воспроизводство жизни на новом месте во многом зависели от быстроты их «вхождения» в новую социокультурную среду, установления профессионально-производственных связей в местном сообществе.

Царское правительство не поддерживало жизнедеятельности национальной общины, видя в ней причину дополнительного обособления на основании собственной этнолокальной идентичности (путем сохранения отдельных элементов культуры, образа жизни, специфики духовной сферы). Но оно было вынуждено признать ее роль в качестве интегратора определенной социальной общности (населения, диаспор, землячества) как фактора бесконфликтного существования на новой родине. Для этого, по мнению чиновников, требовалось, чтобы «переселенцы, устроившись на новых местах, жили вообще в несколько-нибудь удовлетворительной обстановке, имели возможность получать близкую и хорошую медицинскую помощь, учить по возможности всех детей в хороших школах,

удовлетворять свои религиозные нужды в полной мере потребностей. Нужно, чтобы губерния сделалась для них заботливой и доброй матерью» (ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 38. Л. 4).

По мнению иркутских ученых, на окраинах Российской империи заинтересованность чиновников в устойчивом функционировании крестьянского общества резко возрастала. Экономические/фискальные интересы казны, собственно административные планы (компенсации вакуума власти на местах или административное присвоение нового пространства) и более обширные политические/имперские претензии выдвигали крестьянское общественное устройство в центр правительственных проектов (Переселенческое общество, 2013: 301). Поэтому можно согласиться с основанном на украинском материале выводом красноярского исследователя Л.А. Кутиловой о важности для государства развития самоуправления в таком отдаленном регионе, как Сибирь, большие пространства которой диктовали необходимость предоставления переселенцам некоторой хозяйственной, культурной и ментальной самостоятельности (Кутилова, 2016: 90).

Массовые миграции конца XIX – начала XX вв., изменившие этнический облик Сибири и приведшие к появлению крупных групп белорусского населения в Приенисейском регионе, завершались адаптационными процессами, имевшими разные результаты. Можно смоделировать три ситуации адаптации выходцев из западных областей, характерные для нескольких типов расселения. Первая – вытеснение старожильческой культурной традиции разнородной переселенческой культурой в селах, где новоселы многократно преобладали над старожилками. Такая ситуация могла приводить к переселению старожилков в другие районы, как было в селе Рубино Мариинского уезда Томской губернии (ныне – Тухтетский район Красноярского края). Там местные старожилы-староверы встретили многочисленных новоселов крайне недружелюбно, избегали общения с ними и в итоге продали дома и покинули этот населенный пункт (Аржаных, 2008: 16, 17).

Вторая ситуация – вытеснение враждебно настроенными старожилками новоселов на другие, более отдаленные территории. Это было в Ирбейской волости Канского уезда Енисейской губернии, где так появились переселенческие поселки Романовка, Рождественка, Букша (Из святого, 2001: 29).

Третья ситуация возникла, когда основу населения деревни составляли переселенцы – представители одного этноса. Благодаря этому возникала стабильность и создавались условия для сохранения и развития на новом месте культурных традиций региона выхода переселенцев (Белорусы в Сибири, 2011: 350, 351). Примером стремления создавать поселения из представителей одного этноса служит деревня Малиновка, образованная на переселенческом участке Стайный в Канском уезде Енисейской губернии. Первопоселенцы прибыли туда в 1899 г. Это были белорусы, выехавшие из разных деревень Бобруйского уезда Минской губернии, и выходцы из Лифляндской губернии. В последующие годы туда продолжали прибывать переселенцы из этих же губерний; но представители Лифляндской губернии стали переезжать со Стайного на переселенческий участок Болотный. В 1909 г. там образовалось сельское общество под названием Эстонское, затем деревня Эстония. Так, в Малиновке стало преобладать белорусское население, а в Эстонии – эстонское (Луговой, 2003: 232–238).

Подобная самоизоляция обуславливалась не только стремлением к этнической консолидации в условиях разрыва с исконным регионом проживания, но и настороженным отношением местных жителей к прибывшим. Необходимость адаптации к сложным природно-климатическим условиям и вхождения в новую социально-экономическую среду способствовала территориальному и социокультурному сплочению новоселов. На практике это выражалось в преимущественном заключении браков между жителями одной или соседних белорусских деревень, а нередко и между представителями одного рода, в совместных праздниках и торговле (Луговой, 2009: 13). В таких этнически однородных поселениях в течение жизни первого поколения переселенцев разговорным языком оставался белорусский, постепенно, однако, превратившийся в специфический русско-белорусский диалект.

Обособленность была характерна даже для переселенцев из разных губерний Белоруссии, являвшихся носителями отличных культурных традиций. Это проявлялось в расселении если не в разных поселках, то в противоположных частях их. Так, четко прослеживалось разделение на «могилевщину» и «витебщину», обусловленное, в том числе, и диалектными различиями (Фурсова, 2008: 237–240; ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1210. Л. 14–15).

Важной составляющей процесса адаптации переселенцев стало приспособление к ландшафтной среде региона вселения. Выходцы из западных областей Российской империи вселялись чаще всего на участки лесостепные (преимущественно в Канском, Ачинском, Минусинском уездах) и лесные (преимущественно в Красноярском уезде), максимально приближавшиеся по природным условиям к ландшафту покинутого ими края. Они заселяли участки, преимущественно трудные и средне-трудные для разработки, но, как правило, обеспеченные дорогами и источниками воды (Список переселенческих, 1912).

Адаптация новоселов к новым природно-климатическим условиям включала в себя также познание географического пространства, освоение топонимической системы района вселения. По мнению В.Н. Курилова, в начале XX в. для переселенцев были возможны три стратегии поведения: во-первых, полное принятие топонимической системы региона освоения; во-вторых, создание новой топонимической системы с использованием средств языка мигрантов; в-третьих,

перенесение топонимии района выхода в район-реципиент (Курилов, 2002: 86). Ярким примером перенесенной топонимии можно считать название деревень Мишушка, Могилевка в Ирбейской волости, Минск в Еловской волости, Виленка в Балахтинской волости, Белорусская в Вознесенской волости, Витебка в Новоселовской волости, Малиновка (топоним возник сразу в нескольких волостях губернии) (Список переселенческих, 2012).

Сложившаяся система расселения прибывших из западных губерний, основанная на этнической компактности и изоляции от старожильского населения и от выходцев из великорусских и украинских губерний, во многом способствовала воспроизведению культурной среды, сохранению и трансляции отдельных элементов традиционной культуры той местности, из которой они прибывали. Это проявлялось в специфике домостроения, питания, орнаментации рукоделий, погребального и свадебного обрядов, праздничных циклов. Например, выделяются несколько основных черт белорусских поселений в Сибири: во-первых, их большая площадь по сравнению со старожильскими деревнями, во-вторых, специфическая планировка усадьбы.

Важным маркером сохранения этнического самосознания в инокультурных условиях являлась также система питания. Сибирские белорусы в целом сохранили привычный рацион, способы приготовления и названия блюд, что, однако, не исключило некоторых заимствований из пищевой культуры местных жителей. Основой питания белорусского населения в Сибири оставался картофель, что подтверждается увеличением площадей посадок этой культуры на переселенческих участках в Енисейской губернии, заселенных новоселами (ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 7. Л. 5). Важное место в питании занимали также изделия из муки и круп. При этом овощная пища доминировала над мясной. Система питания, сложившаяся в местах выхода, вынуждала белорусских переселенцев выращивать несвойственные сибирскому региону культуры, например, фасоль, которая являлась практически повсеместно неотъемлемой частью их рациона (Луговой, 2009: 13).

Отличные от русского населения черты сохранялись и в одежде переселенцев. Так, в женском костюме отсутствовал сарафан, вместо него носили юбку из ткани в мелкую клетку и кофту. В мужском костюме была распространена длинная рубаха, носившаяся под пояс, в верхней одежде – куртушки. В орнаментации одежды и других изделий обнаруживались как специфические белорусские мотивы, так и мотивы, сходные с русскими, украинскими и местными сибирскими композициями. Нередко заимствовалась местная техника вышивания. В свадебно-семейном и погребальном обрядах сохранялись белорусские черты, но при сильном местном влиянии (Белорусы в Сибири, 2011: 50–66, 339; Аржаных, 2008: 19–22, 34).

Несмотря на трудности, большая часть белорусских крестьян успешно адаптировалась к новым условиям. Так, крестьянский начальник 1-го участка Ачинского уезда М.Д. Росновский в 1898 г. писал о белорусских переселенцах: «Особенную энергию в смысле своего устройства проявили шарловцы, которых я водворил в таежном участке и [...] не был уверен, что они не сбегут скоро отсюда. ... прибыв спустя месяц в этот же участок, нашел там более десяти почти совсем оконченных домов, загороженные и вспаханные огороды, две гатированные просеки к реке, лошадей, телеги своего производства (кроме колес) и др. [...]» (ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1210. Л. 19).

Источники показывают, что адаптация вызвала изменения в структуре хозяйствования белорусских переселенцев. Они проявились в росте занятости охотой и собирательством, в увеличении посевов морозоустойчивых культур, в отказе от выпаса скота, выращивании кормовых трав. Но сохранился такой неотъемлемый элемент исходной модели их хозяйствования, как домашнее производство, а именно, ткачество и изготовление утвари из лыка и глины, бондарное дело (Бережнова, 2009: 36; Курильчик, 2008: 15).

Особое место в структуре сельскохозяйственной деятельности белорусов в Енисейской губернии занимало льноводство, являвшееся в тот период одной из важнейших отраслей экспорта из белорусского льноводческого района (Витебской и северной части Могилевской губернии). В условиях освоения переселенцами большого количества лесных массивов лен был достаточно эффективной культурой. Он подготавливал распаханый пласт к посеву озимых и приносил доход в первые же годы хозяйствования на новом месте.

В Енисейской губернии наибольший посев льна производился в Ачинском уезде на участках Избушечном, Троицком, Чемурде, в селе Новоселове Ново-Новоселовской волости Ачинского уезда, заселенной выходцами из Витебской, Виленской, Лифляндской и Курляндской губерний; на участках Ганина-Гарь, Междуреченском в Перовской волости; Колтояке в Больше-Улуйской волости; в Зачулымье – на участках Богатом, Окунева, Ладого, Митькине, Грязном; в Канском уезде – в селах Рыбинском и Уяре. При этом производство льна осуществлялось в промышленных масштабах. Как отмечал старший специалист по льноводству и льнообработке П. Соболев, «на хуторах, по преимуществу с промышленной целью, сосредотачиваются посеvy льна и в довольно значительных размерах, доходящих местами у отдельных домохозяев до 6–9 десятин» (Соболев, 1917: 3). Единых норм высева льна на десятину не было. К примеру, в белорусском селе Больше-Ильбинское Агинской волости Канского уезда высевалось по 1–2 пуда (ГАКК. Ф. 262. Оп. 2. Д. 7. Л. 5).

Определенную поддержку льноводческим хозяйствам оказывали агрономические станции. В 1913 г. в Енисейской губернии работал 361 опытный льноводческий участок. В целом же в начале XX в. белорусские переселенцы участвовали в создании крупных льноводческих районов в Канском, Ачинском

уездах Енисейской губернии (*Очерки истории, 2001: 84-99*). Нередко очаги льноводства возникали в основанных ими хуторских поселениях. По подсчетам В.А. Степынина, 220 из 300 хуторов Енисейской губернии были заселены в 1903–1911 гг. выходцами из белорусских губерний. 94,5 % из них прибыли из льноводческого центра – Витебской губернии (*Степынин, 1962: 358*).

Все обследованные в 1911 г. хуторские поселения Ачинского уезда были основаны переселенцами из Витебской и Лифляндской губерний (*Сборник статистических, 1913: таб. 1*). В этом прослеживалась прямая связь с преобладанием хуторских хозяйств в местах их выхода, в частности в Витебской губернии, в латышско-белорусских и литовско-белорусских этноконтактных зонах (*Шарухо, 2007: 119*).

5. Заключение

Итак, переселенческое движение с Запада на Восток России имело как геополитическое, так и экономическое значение для развития территории Сибири и включения ее в «имперское ядро». Вызванный преимущественно миграцией быстрый рост населения Сибири стал важнейшим экономическим и стратегическим фактором в ее дальнейшем развитии. Расширение имперского ядра происходило за счет включения переселенческого населения в единое управленческое пространство по образу и подобию общественного управления крестьян внутренних губерний.

Миграции из Белоруссии имели свои особенности. Традиционно считалось, что славянские народы, в том числе белорусы, перебираясь на новое место жительства в Сибирь, достаточно быстро теряли свою национальную идентичность и ассимилировались с русскими, и это отвечало одной из целей государства – создания единого славянского суперэтноса. Однако, как показывает проведенное исследование, стремление к компактному проживанию позволяло стабилизировать черты «инаковости», сохранять и транслировать в практически неизменном виде элементы традиционной культуры в земледелии, домостроении, питании, декоративно-прикладном искусстве, фольклоре. Во многом такая модель адаптации способствовала наиболее быстрому приспособлению к новым экономическим условиям и относительно безболезненному вхождению в сибирское общество.

При этом государство опиралось на органы местного крестьянского самоуправления для включения вновь прибывших в единое имперское пространство и позволяло новоселам консолидироваться вокруг национальной общины для прочного устройства и более быстрой адаптации на новом месте. Одним из самых важных условий адаптации стала добровольность переселений, а также помощь государства и местного самоуправления в обустройстве прибывших на новом месте.

В целом хозяйственно-культурная адаптация переселенцев определялась рядом факторов и проходила в непростых условиях, связанных с трудностями устройства на новом месте, недостатком материальных и финансовых средств, зачастую напряженными отношениями со старожилами. Препятствием для быстрой ассимиляции также стали различия в принципах хозяйствования. Многие хозяйственные приемы были перенесены на новую родину.

Литература

- Аржаных, 2008* – Аржаных О.П. Выплачусь памятью о родной земле. Красноярск: [б. и.], 2008. 194 с.
- Белорусы в Сибири, 2011* – Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 423 с.
- Бережнова, 2009* – Бережнова М.Л. Первые шаги на новой родине: новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // *Известия АГУ*. 2009 № 4–3(64). С. 32–36.
- Воробьев, 1975* – Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. 258 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Дамешек, 2014* – Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2014. № 4 (16). С. 201–210.
- Демографическая история, 2017* – Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск: [б.и.], 2017. 238 с.
- Из святого, 2001* – Из святого колодца памяти. Очерки истории Ирбейского района. Зеленогорск: Зеленогорская типография, 2001. 344 с.
- Красноярск, 1996* – Красноярск в дореволюционном прошлом. Красноярск: Рио-Пресс, 1996. 215 с.
- Крючек, 2016* – Крючек П.С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: историография проблемы // *Труды БГТУ*. 2016. № 5. С. 9–13.
- Курилов, 2002* – Курилов В.Н. Идеальное освоение пространства в процессе формирования русских старожилов Сибири (перенесенная топонимия) // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 82–105.

- Курильчик, 2008** – *Курильчик В.И.* Истоки Родины моей. Красноярск: Литера-Принт, 2008. 193 с.
- Кутилова, 2016** – *Кутилова Л.А.* Проблемы украинских переселений и этнокультурных трансформаций в украинской среде в Приенисейской Сибири в исследованиях красноярских историков во второй половине XX – начале XXI в. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2016. № 1 (39). С. 89-96.
- Луговой, 2003** – *Луговой Г.* Свет мой – Малиновка. Красноярск: Кларетианум, 2003. 238 с.
- Луговой, 2009** – *Луговой Г.* Свадьба в Малиновке // *Кредо.* 2009. 13–19 июля. С. 13.
- Массовые переселения, 2010** – Массовые аграрные переселения на Восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2010. 204, [1] с.
- Могильницкий, 2009** – *Могильницкий Б.Г.* Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // *Вестник ТГУ. История.* 2009. № 2 (6). С. 14-21.
- Никулин, 2012** – *Никулин П.Ф.* Основные направления и итоги Столыпинской аграрной реформы (1906–1916 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2012. № 1. С. 5-10.
- Очерки истории, 2001** – Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX веках. Новосибирск: НГУ, 2001. 240 с.
- Памятная книжка, 1901** – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г.* Красноярск: Енис. губ. тип., 1901. 307 с.
- Памятная книжка, 1905** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г.* Красноярск: Енис. губ. тип., 1905. 281 с.
- Памятная книжка, 1909** – *Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1909 г.* Красноярск: Енис. губ. тип., 1909. [2], XIII, [1], 116, 97, [1], 98, [20], 52, 58, [2] с.
- Первая всеобщая, 1904** – *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* [Вып.] 83: Енисейская губерния. СПб.: тип. кн. В.П. Мещерского, 1904. [4], X, 184 с.
- Переселенческое движение, 1908** – *Переселенческое движение в 1907 году* // *Вопросы колонизации.* 1908. № 3. С. 30-33.
- Переселенческое общество, 2013** – *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества.* Иркутск: «Оттиск», 2013. 624 с.
- Покшишевский, 1951** – *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск; Иркутск. обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.
- Разгон и др., 2013** – *Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 348 с.
- Ремнев, Суворова, 2013** – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
- Сафронов, 2006** – *Сафронов С.А.* Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906–1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний). Красноярск: КрасГУ, 2006. 751 с.
- Северьянов, 2010** – *Северьянов М.Д.* Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930). Кызыл: Тыв. гос. ун-т, 2010. 246 с.
- Сборник статистических, 1913** – *Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев Сибири.* Вып. 3. СПб.: [б. и.], 1913. 177 с.
- Соболев, 1917** – *Соболев П.* Льноводство в Енисейской губернии // *Сибирская деревня.* 1917. № 15. С. 2-6.
- Список переселенческих, 1912** – *Список переселенческих участков со свободными долями на 1912 г.* Красноярск: Енисейская губернская типография № 958, 1912. 211 с.
- Станциани, 2011** – *Станциани А.* Взаимное сравнение и история. Некоторые предложения, подсказанные изучением российского материала // *Ab imperio.* 2011. № 4. С. 35-56.
- Степынин, 1962** – *Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.
- Фурсова, 2008** – *Фурсова Е.Ф.* Ценностные ориентации и ментальность белорусских переселенцев Сибири в рассказах очевидцев // *Пишем времена и случаи.* Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 237-240.
- Фурсова, 2015** – *Фурсова Е.Ф.* Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2015. Т. 22. № 2. С. 100-104
- Шарухо, 2007** – *Шарухо И.Н.* Исторические типы расселения Беларуси: культурно-географические особенности // *Псковский регионологический журнал.* 2007. № 5. С. 115-132.
- Шнейдер, 1928** – *Шнейдер А.* Население Приенисейского края. Красноярск, 1928. 22 с.
- Rieber, 2007** – *Rieber A.* Colonizing Eurasia / Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history / Ed. by Breyfogle N., Schrader A., Sunderland W. N.Y.: Routledge, 2007. XVI, 288 p.

References

- Arzhanykh, 2008** – *Arzhanykh O.P.* (2008). Vyplachus' pamyat'yu o rodnoi zemle . [I will pay my memory for my native land]. Krasnoyarsk: [b. i.]. 194 p. [in Russian].
- Belorusy v Sibiri, 2011** – *Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsiya etnicheskoi kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, 2011, 423 p. [in Russian].
- Berezhnova, 2009** – *Berezhnova M.L.* (2009). Pervye shagi na novoi rodine: novye modeli prirodopol'zovaniya belorusskikh pereselentsev v urmane [First Steps in the New Homeland: New Models of Nature Use of Belarusian Migrants in Urman]. *Proceedings of the ASU*. № 4–3 (64), pp. 32–36. [in Russian].
- Vorob'ev, 1975** – *Vorob'ev V.V.* (1975). Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri [Formation of the population of Eastern Siberia] Novosibirsk: Science, Siberian Branch. 258 p. [in Russian].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archives of the Krasnoyarsk Territory].
- Dameshek, 2014** – *Dameshek I.L., Dameshek L.M.* (2014). Aziatskaya Rossiya v imperskikh ustremleniyakh osobykh komitetov imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Asian Russia in the imperial aspirations of special committees of the empire in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. №. 4 (16), pp. 201–210 [in Russian].
- Demograficheskaya istoriya, 2017** – *Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX vv.)* [Demographic history of Western Siberia (late XIX–XX centuries)]. Novosibirsk: [b.i.], 2017, 238 p. [in Russian].
- Iz svyatogo, 2001** – *Iz svyatogo kolodtsa pamyati. Ocherki istorii Irbeiskogo raiona.* [From the holy well of memory. Essays on the history of the Irbeysky district]. Zelenogorsk: Zelenogorsk printing house, 2001, 344 p. [in Russian].
- Krasnoyarsk, 1996** – *Krasnoyarsk v dorevolutsionnom proshlom* [Krasnoyarsk in the pre-revolutionary past]. Krasnoyarsk: Rio Press, 1996, 215 p. [in Russian].
- Kryuchek, 2016** – *Kryuchek P.S.* (2016). Pereselencheskie protsessy iz Belarusi vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: istoriografiya problemy [Resettlement processes from Belarus in the second half of the XIX – early XX century: the historiography of the problem]. *Proceedings of BSTU*, № 5, pp. 9–13.
- Kurilov, 2002** – *Kurilov V.N.* (2002). Ideal'noe osvoenie prostranstva v protsesse formirovaniya russkikh starozhilov Sibiri (perenesennaya toponimiya) [Ideal development of space in the process of formation of Russian old-timers of Siberia (transferred toponymy)] // *Russian old residents and immigrants of Siberia in historical and ethnographic studie*, Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, pp. 82–105 [in Russian].
- Kuril'chik, 2008** – *Kuril'chik V.I.* (2008). Istoki Rodiny moei [The origins of my homeland]. Krasnoyarsk: Liter-Print. 193 p. [in Russian].
- Kutilova, 2016** – *Kutilova L.A.* (2016). Problemy ukrainskikh pereselenii i etnokul'turnykh transformatsii v ukrainskoi srede v Prieniseiskoi Sibiri v issledovaniyakh krasnoyarskikh istorikov vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. [The problems of Ukrainian resettlement and ethno-cultural transformations in the Ukrainian environment in Prieniseyskaya Siberia in the studies of Krasnoyarsk historians in the second half of the XX – beginning of the XXI century]. *Bulletin of Tomsk State University. History*, № 1 (39), pp. 89–96 [in Russian].
- Lugovoi, 2003** – *Lugovoi G.* (2003). Svet moi – Malinovka [My Light – Malinovka]. Krasnoyarsk: Claretianum. 238 p. [in Russian].
- Lugovoi, 2009** – *Lugovoi G.* (2009). Svad'ba v Malinovke [Wedding in Malinovka]. *Credo*. July 13–19, p. 13. [in Russian].
- Massovye pereseleniya, 2010** – *Massovye agarnye pereseleniya na Vostok Rossii (konets XIX – seredina XX v.)*. Mass agrarian migrations to the East of Russia (late XIX – mid-20th century). Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2010, 204, [1] p. [in Russian].
- Mogil'nitskii, 2009** – *Mogil'nitskii B.G.* (2009). Makro- i mikropodkhody v istoricheskom issledovanii (istoriograficheskii rakurs) [Macro- and micro approaches in historical research (historiographic perspective)]. *Bulletin of TSU. History*. № 2 (6), pp. 14–21 [in Russian].
- Nikulin, 2012** – *Nikulin P.F.* (2012). Osnovnye napravleniya i itogi Stolypinskoi agrarnoi reformy (1906–1916 gg.) The main directions and results of Stolypin agrarian reform (1906–1916). *Bulletin of Tomsk State University. History*. № 1, pp. 5–10 [in Russian].
- Ocherki istorii, 2001** – *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX – XX vekakh* [Essays on the history of Byelorussians in Siberia in the XIX – XX centuries]. Novosibirsk: NSU, 2001, 240 p. [in Russian].
- Pamyatnaya knizhka, 1901** – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem na 1901 g.* [Memorial book of the Yenisei province with address-calendar for 1901]. Krasnoyarsk: Enis. lips. type, 1901, 307 p. [in Russian].
- Pamyatnaya knizhka, 1905** – *Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1905 g.* [Memorial book of the Yenisei province for 1905]. Krasnoyarsk: Enis. lips. type, 1905, 281 p. [in Russian].

- Pamyatnaya knizhka, 1909** – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem na 1909 g. [Memorial book of the Yenisei province with a calendar address for 1909]. Krasnoyarsk: Enis. lips. type, 1909, [2], XIII, [1], 116, 97, [1], 98, [20], 52, 58, [2] p. [in Russian].
- Pervaya vseobshchaya, 1904** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The first general census of the Russian Empire, 1897], [Iss.] 83: The Yenisei province. [St. Petersburg: type. book. VP Meshchersky], 1904. [4], X, 184 p. [in Russian].
- Pereselencheskoe dvizhenie, 1908** – Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 godu [The resettlement movement in 1907] // *Questions of colonization*, 1908, № 3, pp. 30–33 [in Russian].
- Pereselencheskoe obshchestvo, 2013** – Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva [The Resettlement Society of Asian Russia: migration, space, society]. Irkutsk: "The print", 2013, 624 p. [in Russian].
- Pokshishevskii, 1951** – *Pokshishevskii V.V.* (1951). Zaselenie Sibiri (Istoriko-geograficheskie ocherki) [Settlement of Siberia (Historical and geographical essays)]. Irkutsk; Irkutsk. reg. state. izd-vo. 208 p. [in Russian].
- Razgon i dr., 2013** – *Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation. Barnaul: The ABC, 348 p. [in Russian].
- Remnev, Suvorova, 2013** – *Remnev A.V., Suvorova N.G.* (2013). Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsensarii vtoroi poloviny XIX [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the XIX – early XX century]. Omsk: Publishing House "Nauka". 248 p. [in Russian].
- Safronov, 2006** – *Safronov S.A.* (2006). Stolypinskaya agrarnaya reforma i ee vliyanie na khozyaistvennoe razvitie Vostochnoi Sibiri v 1906–1917 gg. (na materialakh Eniseiskoi i Irkutskoi gubernii) [Stolypin's agrarian reform and its influence on the economic development of Eastern Siberia in 1906–1917. (on the materials of the Yenisei and Irkutsk provinces)]. Krasnoyarsk: KrasGU. 751 p. [in Russian].
- Sever'yanov, 2010** – *Sever'yanov M.D.* (2010). Sibirskaya dokolkhoznaya derevnya: zemlepol'zovanie, zemleustroistvo i pereselenie (1861–1930) [Siberian pre-kolkhoz village: land use, land management and resettlement (1861–1930)]. Kyzyl: Tyv. state. Univ. 246 p. [in Russian].
- Sbornik statisticheskikh, 1913** – Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev Sibiri [Collection of statistical information on the economic situation of immigrants in Siberia]. Rel. 3. St. Petersburg: [b. and.], 1913, 177 p. [in Russian].
- Sobolev, 1917** – *Sobolev P.* (1917). L'novodstvo v Eniseiskoi gubernii [Flax breeding in the Yenisei province]. *Siberian village*. № 15, pp. 2–6. [in Russian].
- Spisok pereselencheskikh, 1912** – Spisok pereselencheskikh uchastkov so svobodnymi dolyami na 1912 g. [List of resettlement plots with free shares for 1912]. Krasnoyarsk: Yenisei province printing house №. 958, 1912, 211 p. [in Russian].
- Stantsiani, 2011** – *Stantsiani A.* (2011). Vzaimnoe sravnenie i istoriya. Nekotorye predlozheniya, podskazannye izucheniem rossiiskogo materiala [Mutual comparison and history. Some suggestions suggested by the study of the Russian material]. *Ab imperio*. № 4, pp. 35–56. [in Russian].
- Stepynin, 1962** – *Stepynin V.A.* (1962). Kolonizatsiya Eniseiskoi gubernii v epokhu kapitalizma [Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk. 561 p. [in Russian].
- Fursova, 2008** – *Fursova E.F.* (2008). Tsennostnye orientatsii i mental'nost' belorusskikh pereselentsev Sibiri v rasskazakh ochevidtsev [Value orientations and mentality of the Belarusian immigrants of Siberia in the stories of eyewitnesses] / *We write times and cases*. pp. 237–240 [in Russian].
- Fursova, 2015** – *Fursova E.F.* (2015). Problemy tipologii etnograficheskikh, konfessioanl'nykh, lokal'nykh grupp slavyanskikh pereselentsev Zapadnoi Sibiri: mul'tidistsiplinarnyi podkhod [The problems of the typology of ethnographic, confessional, local groups of Slavic settlers in Western Siberia: a multidisciplinary approach]. *Humanities in Siberia*. vol. 22, pp. 100–104 [in Russian].
- Sharukho, 2007** – *Sharukho I.N.* (2007). Istoricheskie tipy rasseleniya Belarusi: kul'turno-geograficheskie osobennosti [Historical types of settlement of Belarus: cultural-geographical features]. *Pskov regionological magazine*. № 5, pp. 115–132 [in Russian].
- Shneider, 1928** – *Shneider A.* (1928). Naselenie Prieniseiskogo kraja [Population of the Prieniseysky krai]. Krasnoyarsk. 22 p. [in Russian].
- Rieber, 2007** – *Rieber A.* (2007). Colonizing Eurasia. Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history. N.Y.: Routledge. XVI, 288 p.

**Переселенцы из Белоруссии в Енисейской губернии:
имперская стратегия и сибирская реальность начала XX в.**

Анна Павловна Дворецкая ^{a, *}, Михаил Дмитриевич Северьянов ^a, Людмила Николаевна Славина ^b,
Светлана Васильевна Кухта ^c

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Российская Федерация

^c Государственный архив Красноярского края, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных источников на конкретном примере переселенцев начала XX в. – выходцев из Белоруссии – рассматриваются процессы формирования постоянного населения Сибири в позднеимперский период. Миграция, преимущественно крестьянского населения, являясь в основе своей добровольной, была организованной и поощряемой государством. Она приобрела массовый характер в период проведения Столыпинской аграрной реформы.

Изучаются формы, присущие переселению, их характеристики, динамика и география миграций. Акцент делается на социальных практиках переселенцев, их адаптации к новым историческим условиям. Исследуются модели взаимоотношений со старожилами, элементы приспособления к природной среде региона. Анализируется структура хозяйства переселенцев, ее изменение по сравнению с Белоруссией. Выделяются такие маркеры сохранения этнического самосознания, как язык, элементы материальной культуры.

Авторы приходят к следующим выводам: Российская империя была заинтересована в перемещении значительных славянских континентов на восток страны, так как в таком случае было можно не только расширить внутренние границы империи, но и сохранить устойчивость государства на фоне нарастающей социальной катастрофы. «Имперская ситуация» в Сибири характеризовалась включением иноэтнического компонента на правах самоуправления. При этом империя на данном этапе существования не стремилась к универсальности: белорусы в Енисейской губернии включались в иерархию местных этносов со своей системой ценностей и культурой. Также обращается внимание, что в компактных поселениях выходцев из Белоруссии шла консолидация, устанавливались прочные связи на организационном уровне, то есть происходило формирование диаспорального сообщества.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, миграции начала XX в., переселенцы из Белоруссии, адаптация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)